

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барова В. Р. Розена.

ТОМЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.
1902—1903.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ДЕСЯТИ ТАБЛИЦЪ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1904.

кургана, которыми, вѣроятно, съ благодарностью будутъ пользоваться не только военные спеціалисты, но и интересующіеся прошлымъ края. Въ заключеніе нельзя не благодарить штабъ Туркестанскаго военного округа за то, что напечатанныя по его распоряженію книги не увеличили собой число такъ называемыхъ «секретныхъ» изданій, а поступили въ продажу на общемъ основаніи.

В. Б.

320. Александръ Аннинскій. Древніе армянскіе историки, какъ историческіе источники. Одесса 1899. 133 стр. 8°.

321. Александръ Аннинскій. Исторія армянской церкви (до XIX вѣка). Определеніемъ Святыѣйшаго Синода, 29/30 апрѣля 1898 г., сочиненіе это въ рукописи удостоено почетнаго отзыва, послѣ того авторомъ исправлено и дополнено. Кишиневъ 1900. XI + 306 + V стр. 8°.

Двѣ подлежащія книги и не заслуживали бы, пожалуй, обсужденія на страницахъ спеціального научнаго изданія, если бы на нихъ не было обращено почему-то серьезное вниманіе въ компетентныхъ кругахъ. Надо думать, существуетъ острый интересъ къ прошлому армянской церкви, но отсутствуетъ освѣдомленность, такъ какъ онѣ находятъ удовлетвореніе въ столь малосостоятельныхъ работахъ, какъ названныя у насъ въ заголовкѣ¹⁾. Это обстоятельство вынуждаетъ у насъ отзывъ о двухъ книгахъ г. Аннинскаго. Необходимость высказаться о нихъ не устранена обстоятельствомъ, въ общемъ дѣльнымъ разборомъ, помѣщеннымъ въ *Ж. М. Н. П.* (1903, янв., стр. 179—204), г-на И. С., едва ли армениста²⁾.

1) *Исторія армянской церкви* А. Аннинскаго показала, повидимому, заслуживающей довѣрія проф. М. Красноженоу, д-ру церковнаго права, который цитуетъ ее въ числѣ своихъ источниковъ въ книгѣ *Къ вопросу о свободѣ веры и вытерпимости. Пюродимъ на Руси*, т. I, *Положеніе неправославныхъ христіанъ въ Россіи* (3—6-е изд., Юрьевъ 1903, стр. 89). Но, къ моему удивленію, въ числѣ авторитетовъ проф. М. Красножена по армянской церкви оказались и такія книги, которыя положительно ниже всякой критики, какъ напр. современный намъ апокрифъ Магды Нейманъ. Пользованіемъ подобными источниками надо объявить свѣдѣніе проф. Красножена (стр. 93) о нахожденіи Эчмиадзинскаго монастыря на горѣ Араратъ!

2) Кстати, да будетъ позволено мнѣ замѣтить pro domo sua: г. И. С. производитъ меня по недоразумѣнію въ армянина (стр. 193). Я обращаю вниманіе на эту мелочь, такъ какъ она, сдается мнѣ, находится въ связи съ ложнымъ мнѣніемъ, распространеннымъ и повывѣ, къ сожалѣнію, въ русскомъ образованномъ обществѣ, даже въ ученыхъ кругахъ, что по малости научнаго значенія арменовѣдѣніе можетъ представить интересъ будто только для армянъ, а грузиновѣдѣніе для грузинъ.

I.

Въ первой книгѣ г. А-скій даетъ (стр. 4—15) обзоръ извѣстныхъ армянскихъ, въ томъ числѣ нѣкогда считавшихся армянскими, историковъ («Маръ-Аббаса-Катинъ», «Лабубнъ», Агаангела, Зеноба, Моисея Хоренскаго), затѣмъ говоритъ мимоходомъ о Лазарѣ Парпскомъ и Елисеѣ, специально о М. Хорепскомъ, объ Агаангелѣ (стр. 15 — 133) и отчасти о Фаустѣ (особенно стр. 96—108).

Такимъ образомъ мы въ книгѣ получаемъ оцѣнку не вообще всѣхъ или большинства древнихъ армянскихъ историковъ, какъ можно было думать по заглавію, а лишь Агаангела, Фауста и М. Хоренскаго, притомъ преимущественно М. Хоренскаго.

Но и для критики названныхъ историковъ авторъ слабо вооруженъ.

1) Авторъ совершенно незнакомъ съ новымъ теченіемъ въ арменистикѣ, зародившимся въ Россіи. Благодаря этому теченію выясняются двѣ стороны древне-армянской культурной жизни, именно исключительная связь армянской литературы въ начальный періодъ христіанства съ Сирією и затѣмъ единство армяно-грузинской церкви, а въ связи съ этимъ долгое интенсивное литературное общеніе грузинъ съ армянами. Вслѣдствіе этого оцѣнка армянскихъ литературныхъ произведеній хотя бы и историческаго содержанія должна опираться неминуемо на данныя не только армянской, но и сирійской и особенно грузинской литературъ. Между тѣмъ двѣ послѣднія области совершенно неизвѣстны нашему автору.

2) Авторъ вообще незнакомъ съ современною литературою предмета, которому онъ посвятилъ специальное изслѣдованіе, и пишетъ въ такомъ настроеніи, какъ если бы онъ работалъ лѣтъ тридцать, сорокъ тому назадъ. Ограничусь двумя, тремя примѣрами:

а) г. А-скій говоритъ (стр. 4), что «самымъ древнимъ своимъ историкомъ армяне считаютъ Маръ-Аббаса[sic]-Катину», что «самые ученые армяне считаютъ нѣкоторыхъ изъ древнихъ армянскихъ царей и героевъ олицетвореніемъ явленій космическихъ, мпоологическихъ лицами». Такимъ образомъ г. А-скому неизвѣстно, что въ отрицательной критикѣ М. Хоренскаго и его источника, Марябаса, львиная доля принадлежитъ ученымъ армянамъ; ему неизвѣстна напр. не только писанная на армянскомъ трехтомная *Критическая исторія Арменіи* Гарагашяна, первый томъ которой появился въ 1880-мъ году, но и напечатанная на русскомъ языкѣ диссертація московскаго армениста Г. А. Халатьянца «*Армянскій эпосъ въ исторіи Арменіи Моисея Хоренскаго*. Опытъ критики источниковъ» (Москва 1896).

б) Упомянувъ (стр. 6—7), что «вторымъ, по времени, армянскимъ историкомъ считаютъ почему то сирійца Лабубу, автора «Исторіи Авгаря и проповѣди св. ап. Ѡаддея», г. А-скій сообщаетъ точно новость, что «эта Исторія не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ Арменіи, ни по національности автора, ни по предмету своего содержанія, а потому Лабубна не долженъ считаться въ ряду армянскихъ историковъ. Такимъ образомъ г. А-скому неизвѣстно, что давно перестали считать Лабубу армянскимъ историкомъ, что давно имѣется въ печати сирійскій текстъ той же Исторіи, изданный сначала Cureton'омъ въ его Ancient Syriac Documents и затѣмъ полностью Фялипсомъ въ 1876 г., что не въ одной работѣ выяснялись уже отношенія армянскаго перевода къ сирійскому подлиннику.

в) Въ нѣсколькихъ мѣстахъ, напр. стр. 6—7, А-скій обсуждаетъ вопросъ о Марибасѣ, помѣщенномъ передъ Себеосомъ въ печатномъ изданіи, вступаетъ въ споръ съ покойнымъ Ланглуа и Паткановымъ, мнѣніе которыхъ давно оставлено. Онъ въ полномъ невѣдѣніи даже относительно спеціальной статьи, посвященной этому вопросу на страницахъ Византійскаго временника (1895: *О начальной исторіи Арменіи Анонима. Къ вопросу объ источникахъ Исторіи Моисея Хоренскаго*).

г) Авторъ, судя по всему, не знаетъ армянскаго языка, а если дѣлаемое имъ на стр. 127, прим. 1, вѣрное замѣчаніе касательно армянскихъ словъ, означающихъ *пять* и *древній*, принадлежатъ ему, то знаніе его, очевидно, дальше этого не идетъ и во всякомъ случаѣ далеко не соответствуетъ тому требованію, которое нужно предъявлять къ критику армянскихъ историческихъ памятниковъ ввиду неустановленности текстовъ и ненадежности существующихъ переводовъ.

д) У автора устарѣвшее представленіе объ исторіи армянской литературы, такъ напр. на стр. 110 г. А-скій пишетъ: «Время написанія книги Египсе (Елисея) тоже относится не раньше, какъ къ концу V в. Объ этомъ необходимо заключить изъ того, что языкъ Египсе вполне чистъ и чуждъ малѣйшей тѣни эллинизмовъ, обычныхъ въ армянскомъ языкѣ писателей V в. и даже начала VI в., — какъ напр. Лазаря Фарбскаго, — воспитавшихся на греческой литературѣ». Во первыхъ, г. А-скому, очевидно, неизвѣстно, что греческое вліяніе въ памятникахъ армянской литературы сказывается: путемъ вѣшнимъ—займствованными словами въ переводныхъ памятникахъ, и внутреннимъ — проявленіемъ начитанности въ греческихъ памятникахъ и примѣненіемъ армянскихъ словъ, образованныхъ по шаблону греческихъ, въ оригинальныхъ произведеніяхъ. Исторія Египсе вовсе не свободна отъ греческаго вліянія второго вида. Во вторыхъ, авторъ глубоко заблуждается, рѣшительно думая, что «въ армянскомъ языкѣ V в. и даже начала VI»

«обычны» эллинизмы. Совершенно наоборот, языкъ подлинныхъ памятниковъ этой поры, въ томъ числѣ напр. древняго перевода св. Писанія характеризуется обиліемъ сиріазмовъ и отсутствіемъ или, во всякомъ случаѣ, скудостью эллинизмовъ.

При такой научной подготовкѣ г. А-скій обнаруживаетъ еще склонность къ совершенно празднымъ соображеніямъ, наиболѣ разительнымъ примѣромъ которыхъ можетъ служить объясненіе (стр. 75—76) сказочнаго хожденія живописцевъ въ поискахъ за красавицею, рассказываемаго у Агаангела, тѣмъ, что будто искали преступницу, — усматриваніе въ живописцахъ роли фотографическихъ карточекъ сыскной полиціи!

Послѣ всего сказаннаго можно и не касаться частныхъ книгъ г. А-скаго, его мнѣній и выводовъ.

Въ общемъ объ авторѣ настоящей книги можно смѣло сказать то, что самъ авторъ говоритъ (стр. 132) объ армянскомъ историкѣ Моисей: «сколько лишняго труда, сколько ненужнаго напряженія мысли и умственной изворотливости пришлось употребить» ему!

Въ этой первой книжкѣ мѣстами у автора есть все же здравыя разсужденія и кое-гдѣ любопытныя сопоставленія; не лишены доли новизны, хотя бы по точкѣ зрѣнія, его сопоставленія данныхъ армянской исторіи съ свидѣтельствами западныхъ греческихъ и особенно латинскихъ писателей (стр. 40—46, 53—54, 65—77). Нѣкоторый интересъ могла бы при другихъ условіяхъ представить попытка автора (стр. 111—125) распутать хронологію армянскихъ аршакидовъ и патріарховъ. Кромѣ того, г. А-скій, видно, добросовѣстно ознакомился съ немногими извѣстными ему въ переводѣ армянскими источниками, но всего этого было мало, чтобы вознаграждать недостатокъ специальныхъ знаній по армянской филологіи и прійти къ сколько нибудь прочнымъ результатамъ.

II.

При такомъ положеніи вещей трудно было ожидать что-либо хорошее отъ послѣдующаго труда, въ которомъ г. Аппинскій является въ роли строителя и опирается между прочимъ на «результаты» первой, разобранный нами книги, своего рода критики источниковъ.

Специалистъ затруднится указать въ этой, второй, работѣ на что-либо положительное, заслуживающее одобренія. Если въ книгѣ и есть что интересное, какъ напр. данныя объ искорененіи армянскими католиками и ихъ ставленниками въ Албаніи греческаго православія (стр. 112 сл.) или о возрожденіи религіозной жизни армянъ въ XVII вѣкѣ (стр. 269 сл.), то это инте-

ресь матеріаловъ, почерпнутыхъ изъ армянскихъ историковъ, давно доступныхъ всѣмъ въ европейскихъ переводахъ, преимущественно русскихъ.

И эти немногія содержательныя страницы, посвященныя, дѣйствиельно, исторія армянской церкви, отъ обработкы г. А-скаго не получили никакого приращенія, если таковыми не считать многочисленныхъ опрометчивыхъ утверженій, часто не только бездоказательныхъ, но прямо противорѣчащихъ извѣстнымъ фактамъ.

Опрометчивою является прежде всего сама мысль назвать пастоящую книгу Исторією армянской церкви. Въ ней авторъ даетъ исторію не армянской церкви вообще, а ея отношеній къ инославнымъ для армянъ исповѣданіямъ, главнымъ образомъ къ греческой православной церкви и католичеству. Отношенія къ несторіанству и сирійскому монофизитству и, что особенно важно, къ древне-сирійской церкви почти полностью замолчаны.

И выдѣленная г. А-скимъ часть этой внѣшней стороны исторіи армянской церкви авторомъ освѣщена преимущественно по внѣшнимъ актамъ представителей армянской церкви, обыкновенно католикосовъ. Однако подобныя внѣшніе акты имѣли не только религіозное, но и политическое, и часто болѣе политическое, чѣмъ религіозное значеніе, и не этою дѣятельностью приходится объяснять исторію армянской церкви, а, наоборотъ, обыкновенно въ послѣдней слѣдуетъ искать объясненія для многихъ фактовъ въ отношеніяхъ армянскихъ дѣятелей къ неармянскимъ церквамъ. Не уяснивъ себѣ этого простого положенія, г. А-скій освѣщаетъ неправильно ту спеціальную сторону исторіи Арменія, которая составляетъ по существу главный предметъ его книги.

Можно бы было думать, что этой неправоильности освѣщенія кромѣ незнанія содѣйствовали предвзятость мысли, предубѣжденіе автора противъ національной армянской церкви и пренебрежительное къ ней отношеніе. И, дѣйствительно, пренебрежительный тонъ автора не только далекъ отъ научнаго безпристрастія и особой корректности, налагаемой на изслѣдователя серьезностью и деликатностью темы, но и выходитъ, мнѣ кажется, изъ границъ, пожалуй простого приличія. Такъ, напр: а) очевидно, отказывая армянской церкви въ естественномъ правѣ самоопредѣленія, г. А-скій удивляется даже тому, что она канонизировала поборниковъ армянскаго ученія. Онъ отмѣчаетъ какъ лѣчто странное канонизированіе автора армянскаго отвѣта на посланіе патріарха Германа. «Отвѣтъ», говоритъ А-скій (стр. 124), «писалъ вѣкто Стефанъ Сюійскій, признавшій армянскою церковью святымъ, но въ дѣйствительности крайній монофизитъ», точно у монофизитовъ не можетъ быть святыхъ, разъ по взглядамъ самого г. А-скаго, армяне — монофизиты. Съ другой стороны г. А-скій удивляется и тому, что Нерсесъ

Благодатный, не принадлежавший «къ числу закоренѣлыхъ приверженцевъ мопозызитства» (стр. 193), также причисленъ армянами къ святымъ. Нашъ изслѣдователь игнорируетъ естественно возможную мысль, что, очевидно, армянская церковь руководствовалась при канонизированіи святыхъ не тѣми основаніями, которыя намѣчаетъ г. А-скій. в) Говоря о легендѣ касательно голубя, перелетѣвшаго съ Василія Великаго на преосвященнаго Нерсеса, г. А-скій пишетъ (стр. 29), что «этотъ тенденціозный вздоръ навѣявъ желаніемъ представить Нерсеса выше обыкновеннаго кесаріе-каппадокійскаго архіепископа... Неизвѣстно въ точности, съ этого ли времени или немного позже главный армянскій епископъ сталъ называться еще католикосомъ, по причинѣ, какъ объясняютъ, многочисленности подвѣдомственныхъ ему епископовъ». Легенда о Нерсесѣ одна изъ тысячи легендъ, вращающихся одинаково во всѣхъ христіанскихъ церквахъ. Что касается толкованія г. А-скаго, то оно не совсѣмъ состоятельно, такъ какъ еще до Нерсеса «главный армянскій епископъ» имѣлъ значеніе больше «обыкновеннаго архіепископа», еще до Нерсеса, если не титулъ католикоса, то многія его права были присущи духовному пастырю Арменіи. Между прочимъ въ новооткрытомъ арабскомъ текстѣ *Обращенія Арменіи*, въ древнѣйшей версіи Агафангела, Григорій Просвѣтитель названъ «католикосомъ». с) Даже когда рѣчь идетъ о священныхъ реликвіяхъ армянской церкви, безспорно древней и издревле бывшей въ тѣсномъ общеніи съ св. Землею¹⁾, г. А-скій безъ всякаго основанія аттестуетъ ихъ сомнительными, такъ напр. онъ бездоказательно говоритъ (стр. 111, ср. также 127—128) о святыхъ и древнихъ крестахъ съ частицами животворящаго креста Христова, какъ о предметахъ «сомнительнаго происхожденія», повидямому только потому, что они въ рукахъ неправославныхъ армянъ. d) Г. А-скій вообще большой скептикъ; когда онъ узнаетъ о свѣтлыхъ сторонахъ въ церковной жизни армянъ, такъ напр. объ армянскомъ переводѣ св. Писанія, онъ выражается съ сомнѣніемъ, безусловно ни на чемъ не основаннымъ, но набрасывающимъ тѣнь на его достоинства. «По мнѣнію армянъ», говоритъ г. А-скій, «этотъ переводъ превосходятъ весьма многіе переводы, что доказали будто бы многіе европейскіе ученые» (стр. 39).

Что мѣшало автору справиться въ подлежащей спеціальной литературѣ, гдѣ онъ нашелъ бы восторженныя мнѣнія европейцевъ объ армянскомъ переводѣ? Это дало бы возможность не оставлять читателя въ сомнѣніи не

1) Реликви и частицы Креста притекали въ армянскую церковь и изъ другихъ мѣстъ, такъ даже позднѣе изъ Константинополя отъ представителей православія въ качествѣ подарковъ армянскимъ князьямъ и іерархамъ.

только относительно качества армянскаго перевода, но и относительно добросовѣстности ученыхъ армянъ, очевидно, по мнѣнію г. А-скаго способныхъ на всякія выдумки.

Такимъ образомъ тенденціозность автора можетъ казаться стоящею вѣ сомнѣнія, но дѣло не въ ней, а въ малой освѣдомленности г. А-скаго относительно всего, что касается самой Арменіи, ея языка, литературы и церкви. Такъ, напримѣръ,

1) Изобрѣтеніе армянскаго алфавита у г. А-скаго получаетъ неправильное толкованіе, какъ политическій, сепаратистическій актъ (стр. 37), тогда какъ это позднѣйшая, сравнительно, точка зрѣнія, въ изложеніи нашего автора сведенная на современную намъ, пожалуй, уже выходящую изъ моды боязнь армянскаго сепаратизма. Армянскій алфавитъ дѣло сирійской миссіонерской церкви, потому и дѣлавшей всегда и вездѣ поразительные успѣхи въ Божьемъ дѣлѣ, что она чуждалась національно-государственной политики.

2) Было уже показано, что г. А-скій не знакомъ съ старою литературою относительно исторіи св. Писанія у армянъ. Повягну, что новыхъ работъ по вопросу онъ совершенно не знаетъ, не знаетъ даже изъ вторыхъ рукъ.

3) Г. А-скій голословно утверждаетъ, что «въ Арменіи школьное обученіе находилось въ рукахъ малообразованнаго монашества и духовенства» (стр. 146), не вѣдая, что, во-первыхъ, образованіе находилось въ рукахъ образованной части армянскаго духовенства, спеціально для просвѣтительнаго и книжнаго дѣла выдѣлявшейся, именно, «вардапетовъ», и что, во-вторыхъ, существуютъ, хотя и не полныя, любопытныя данныя о своего рода школьныхъ программахъ занятій въ Арменіи (Н. Марръ, *Сборники притч Вардана*, I, § 431).

4) Г. А-скій утверждаетъ, что будто вардапетами были «неизвѣстно кѣмъ призванныя къ учительству или по крайней мѣрѣ получившіе такое право отъ одного частнаго лица» (стр. 278). Очевидно, авторъ находится въ полномъ невѣдѣніи относительно наиболѣе любопытнаго учрежденія древне-армянской церкви, корпорации ученыхъ монаховъ вардапетовъ (см. теперь отчасти Тексты и разысканія по арм.-груз. фл. V, стр. 34—36). Въ вопросѣ о вардапетахъ г. А-скій не сумѣлъ извлечь для себя какую либо пользу и изъ извѣстнаго ему (стр. 283) 8-го правила позднѣйшаго армянскаго собора въ Иерусалимѣ, ничего новаго собственно не вводившаго, а лишь подтверждавшаго, при томъ съ нѣкоторымъ послабленіемъ, древній требованія, предъявлявшіяся къ аспирантамъ въ «варданеты»¹⁾.

1) Въ настоящее время институтъ этихъ лицъ совершенно лишень своего высокаго значенія, и даже у самихъ представителей армянской церкви не существуетъ, повидимому, представленія о компетенціи вардапетовъ въ старину. Поэтому-то между прочимъ 8-ое

5) Касательно монашества г. А-скій утверждаетъ, что, во-первыхъ, «армянскіе монахи руководились тѣми уставами и правилами, которые были у ихъ учителей въ Каппадокіи» (стр. 64) и, во-вторыхъ, будто скитское монашество былъ новый для Арменіи видъ (стр. 274), впервые установленный въ ней въ началѣ XVII вѣка. Очевидно, у автора вѣтъ ни малѣйшаго представленія о подлинной исторіи монашества въ Арменіи, оцъ совершенно незнакомъ съ армянскою агиографическою литературою.

6) По мнѣнію г. А-скаго (стр. 292), «при католикосѣ Іаковѣ появились первыя печатныя армянскія книги благодаря трудамъ ученаго Оскана».

7) Причина нежеланія армянь раздѣлить празднованія Рождества и Крещенія авторомъ намѣчается неправильно (напр. стр. 36, прим. 1). На русскомъ языкѣ теперь ямѣется специальная работа по вопросу (Тексты и разысканія по арм. груз. фил., кн. I).

8) О Джульфинской армянской колоніи г. А-скій въ состояніи сообщить лишь такія свѣдѣнія: «поколѣніе (армянь), родившееся въ Персіи, охотно отреклось отъ христіанства и принимало магометанскую вѣру» (стр. 265) или «нѣкоторые разбогатѣвшіе въ Персіи армяне въ это время начинаютъ оказывать сильное вліяніе на ходъ церковныхъ дѣлъ» (стр. 279, ср. еще стр. 268—269). Ничего больше не нашель нужнымъ сказать авторъ *Исторіи Армянской церкви*, надо полагать, по незнанію, о Джульфинской армянской колоніи, сыгравшей въ свое время крупную просвѣтительную роль въ церковной жизни армянь, выставившей видныхъ дѣятелей въ борьбѣ на мѣстѣ съ западными миссіонерами и несмотря на всякія бѣдствія сохранившею до сего дня между прочимъ интереснѣйшую коллекцію христіанскихъ рукописей, какъ теперь стало извѣстно, въ 600 номеровъ.

9) Обращеніе «агванъ», по утвержденію г. А-скаго, послѣдовало при Вртапесѣ, второмъ преемникѣ Григорія Просвѣтителя на кафедрѣ армянской церкви (стр. 15). Г. А-скій не говоритъ ничего ни о первой проповѣди въ Албаніи до миссіи Григорія, ни о крещеніи албанскаго царя Григоріемъ Просвѣтителемъ, хотя онъ имѣлъ въ рукахъ Моисей Калакатваца. О христіанствѣ въ Албаніи при самомъ Григоріи говоритъ и ново-открытая древняя версія *Житія Григорія Просвѣтителя*.

10) Непониманіе армянскихъ реалій, феодальнаго строя и вообще древняго общественнаго быта Арменіи и исканіе въ ней монархическихъ

правило названнаго собора въ Іерусалимѣ объ условіяхъ возведенія аспиранта въ вардапеты вардапетомъ же не понято авторомъ армянской *Исторіи св. апостольской армянской церкви* (Вагаршанатъ 1884, стр. 264), также вардапетомъ, нынѣ епископомъ Іусикомъ Мовсисяномъ, отрицающимъ прямое значеніе и смыслъ цитованнаго правила на томъ основаніи, что рукоположеніе предоставлено лишь епископамъ.

идеаловъ ставятъ автора на совершенно превратную точку зрѣнія, въ зависимости отъ которой неправильность въ оцѣнкѣ событій церковной жизни древней Арменіи усугубляется, такъ особенно въ трактовкѣ эпохи Папа и Нерсеса.

1) Печально сказывается въ книгѣ незнаніе армянскаго языка. Неточности въ переводахъ догматическихъ отрывковъ могутъ послужить источникомъ многихъ недоразумѣній. Такъ напр. опираясь, очевидно, на ходячее, усвоенное и другими изслѣдователями, неправильное толкованіе позднѣйшихъ армянъ, далекихъ отъ яснаго пониманія древне-армянскаго языка, г. А-скій обвиняетъ (стр. 67) древняго переводчика *Посланія Льва* въ томъ, что онъ «передалъ слово *одно и другое* армянскимъ выраженіемъ *воми ео воми*, выраженіемъ, которое по духу армянскаго языка прилагается только къ лицу одушевленному, а не предмету неодушевленному». На самомъ дѣлѣ *ոջի* употребляется очень часто въ примѣненія и къ неодушевленнымъ предметамъ, особенно въ памятникахъ эллино-фильскаго періода. Нельзя послѣ этого не удивляться смѣлости г. А-скаго, когда онъ, въ сужденіяхъ объ армянскомъ языкѣ, по незнанію, его зависящій отъ другихъ, позволяетъ себѣ говорить (стр. 67) о скудости этого богатѣйшаго въ словарномъ отношеніи языка и утверждать неправду, будто «по сравнительной бѣдности армянскаго языка понятіе *природа* или естество, *сущность и лице* передавались однимъ словомъ *пнությունъ*. «Бѣнությունъ» (пнությունъ, герс. пәнությունъ есть діалектическое произношеніе) значить на армянскомъ языкѣ только «природу», а «сущность» по армянски гласить «эությունъ», герс. гоյությունъ» и лицо «дэм-кѣ», герс. «андзпаворությունъ».

Въ лексическомъ отношеніи не только не ощущается бѣдности, но, напротивъ, подавляетъ богатство, такъ какъ для нѣкоторыхъ язъ интересовавшихся г. А-скаго понятій имѣется въ армянскомъ по нѣскольку словъ, и задача историка армянской церкви и состоятъ въ томъ, чтобы разобраться въ армянской богословской терминологіи, а не въ томъ, чтобы, игнорируя ее, взводить напраслину на армянскій языкъ.

Недостаткомъ знанія и объясняется не только настроеніе г. А-скаго, кажущееся столь ярко тенденціознымъ, но и отношеніе его къ литературѣ предмета и къ источникамъ.

Неориентированность въ различныхъ теченіяхъ армянской мысли въ сравнительно новое время поставила автора въ ложное положеніе и не дала ему выбраться на правильный путь даже въ тѣхъ случаяхъ, когда сами матеріалы наталкивали его на это. Г. А-скому неизвѣстно напр., что уніаты армяне, въ томъ числѣ и многозаслуженные мхитарясты, естественно, преувеличивали каоолическія черты въ армянской церкви и во всякомъ случаѣ на нихъ обращали особенное вниманіе, а ученые армяне въ Россіи одно время сглаживали особенности родной церкви и старались представить ее

по возможности тождественною съ греческою православною. Г. А-скій самъ замѣчаетъ, напр. на стр. 183, странныя недомолвки въ трудѣ Худобашева, *Историческіе памятники отроченія армянской церкви*, СПб. 1847. Очевидно, пользоваться такими пособіями слѣдовало бы съ большою осторожностью, между тѣмъ они и составляютъ кладезь мудрости, откуда г. А-скій черпаетъ не только факты, но по существу и освѣщеніе ихъ безъ должной критики.

Съ современною литературою авторъ вовсе не знакомъ; достаточно сказать, что г. А-скій не цитуетъ ни одного изъ десятка живущихъ армянствовъ или ученыхъ, занимавшихся въ Европѣ исторіею армянской церкви.

Авторъ беретъ на себя смѣлость писать исторію армянской церкви, не только не будучи знакомъ съ современною разработкою вопросовъ, прямо касающихся его темы, въ западно-европейской и русской литературахъ, но, очевидно, не имѣя никакого представленія о богатыхъ и разнообразныхъ наиболѣе важныхъ источникахъ армянскихъ (молчу о весьма важныхъ грузинскихъ), каковы каноны армянскихъ соборовъ и святителей, сборники писемъ, житія выдающихся дѣятелей, апологетическіе и другіе памятники, наиболѣе реально и наиболѣе ярко отражающіе церковную жизнь Арменіи. Случайно использованные имъ черезъ вторыя руки вѣкоторыя изъ этихъ источниковъ лишь капля въ морѣ. Когда на стр. 22—23, приводя характеристику католика Нерсеса по армянскимъ историкамъ, г. А. А-скій говоритъ о подробностяхъ этой характеристики, что «эти общія мѣста, похвалы, безъ указанія точнѣйшихъ фактовъ, отзывающіяся искусственнымъ преувеличеніемъ, теряютъ свою цѣну, ибо изблѣчаютъ недостатокъ точныхъ свѣдѣній о дѣятельности Нерсеса» (стр. 23), то можно подумать — быть можетъ, думаетъ такъ и авторъ, что онъ, г. А-скій, далъ себѣ трудъ предварительно, до этого суда, навести въ армянскихъ источникахъ справки о «фактахъ». Но это было бы заблужденіе. Утвержденія г. А-скаго голословны. Очевидно, онъ не знакомъ съ паличными матеріалами для біографіи Нерсеса независимо отъ историковъ.

Критикуя другихъ, напр. Эмяна, по вопросу о томъ, какой отвѣтъ написалъ Саакъ патріарху, г. А-скій утверждаетъ, что Саакъ не отвергалъ Халкидонскаго собора. Очевидно, г. А-скій находится въ полномъ невѣдѣніи относительно самого Послапія Саака, изданнаго съ русскимъ переводомъ въ Православномъ Палестинскомъ Сборникѣ (1892, вып. 31, т. XI, вып. I, стр. 265—279): оно цѣлкомъ посвящено отрицанію Халкидонскаго собора.

Незнакомство съ различными теченіями древне-армянской литературы является главною причиною неумѣлаго использованія авторомъ немногихъ источниковъ, къ которымъ онъ обращался. Благодаря этому г. А-скій

Поправна.

Отр. 0147, строки 27 и 28 напечатано:

первых обыкновенно положительными типами, вторых — отрицательными.

Следует читать:

первых обыкновенно отрицательными типами, вторых — положительными.

усвоилъ шаблонное армянское представленіе объ единствѣ происхожденія христіанства въ Арменіи съ Просвѣтителемъ Григоріемъ при Тирдатѣ, а не реально-историческое, которое намѣчается и въ повѣйшихъ научныхъ работахъ, и въ древнѣйшихъ армянскихъ памятникахъ, рѣзче всего въ особенностяхъ переводовъ св. Писанія.

«Почему выбрана была», спрашиваетъ г. А-скій (стр. 11), «Кесарія для посвященія Григорія въ епископы?» — «Вѣроятно просто потому, что самъ Григорій принадлежалъ къ кесаріе-кападокійской церкви», отвѣчаетъ сейчасъ же г. А-скій. Нашему историку не приходитъ въ голову другое, не менѣе простое, объясненіе, и болѣе подтверждаемое какъ качествами самой *Истории* Агаангела, такъ многими фактами, особенно критикою текста св. Писанія, что Григорій посвящается во епископы всей Арменіи потому, что въ житіи его имѣемъ Кесарійскую тенденціозную легенду греческаго происхожденія, хотя и въ армянской передѣлкѣ.

И это, какъ теперь оказывается, не только простое, но, позволю себѣ думать, и наиболѣе правдоподобное объясненіе.

Даже совершенно легендарная встрѣча Григорія и Тирдата съ императоромъ Константиномъ признается фактомъ (стр. 13) благодаря праздно догадкѣ автора, что встрѣча произошла не въ Римѣ, а «гдѣ-то на Востокѣ, быть можетъ въ Никомидіи».

Легендарныя данныя армянскихъ историковъ г. А-скій приводятъ точно критически провѣренныя свѣдѣнія, какъ напр. сообщеніе о храмахъ, въ которыхъ приносились жертвы индійскимъ идоламъ (стр. 12).

Авторъ (стр. 43—44 et pass.) усвоилъ тенденціозную характеристику армянскихъ патріарховъ изъ Фауста, писателя въ значительной мѣрѣ греческихъ симпатій, который іерарховъ Арменіи представляетъ по принадлежности ихъ къ сирійскому или греческому кругу, первыхъ обыкновенно положительными типами, вторыхъ — отрицательными.

Онъ повторяетъ тенденціозное изложеніе событій V вѣка, особенно возстанія армянъ (стр. 46 сл.), и это тѣмъ болѣе странно, что единственные ему доступные источники авторъ признаетъ самъ или преувеличенными (Египш) или неумбренными (Лазарь), хотя надо и то сказать, что въ устахъ г. А-скаго это утвержденіе совершенно голословное.

Увлекаясь своими толкованіями, г. А-скій представляетъ въ извращенномъ видѣ и самыя свидѣтельства армянскихъ историковъ, такъ напр. на стр. 134, желая выставить иконоборческой элементъ въ древне-армянской церкви, авторъ утверждаетъ, что живописныя изображенія святыхъ у армянъ имѣли значеніе болѣе украшеній, чѣмъ иконъ, что «наравнѣ съ изображеніями святыхъ помѣщались изображенія птицъ, звѣрей и пресмыкающихся»

Это — неправда. Какъ въ грузинскихъ церквахъ, такъ и въ армянскихъ растительные и животные орнаменты служили украшеніями, символизируя таинства церкви, преимущественно въ связи съ мотивами изъ известнаго памятника «физиолога». Орнаментами этими украшали храмы обыкновенно снаружи, какъ это совершенно ясно говорить и историкъ Өома Арируни (арм. т., Петерб. стр. 298), на котораго ссылается г. А-скій. Тотъ же историкъ сообщаетъ между прочимъ особо объ иконахъ, объ «образахъ въ золотыхъ окладахъ» (стр. 299, см. Зап. Вост. Отд., 1893, т. VIII, стр. 87), о чемъ г. А-скій умалчиваетъ, быть можетъ, по незнанію.

При такомъ скудномъ запасѣ знаній и сопутствующей ему смѣлости автора вполне естественно, что сужденія о причинной связи событій не представляютъ логическихъ выводовъ изъ фактовъ. Вызываемые необходимою какъ-нибудь связать событія, они у автора возникаютъ на весьма тощей почвѣ, на поверхности осѣдомленности въ культурно-исторической жизни Арменіи, и опираются всегда на внѣшнія, преимущественно политическія соображенія, часто противорѣчивыя, такъ напр. на стр. 126 авторъ утверждаетъ, что арабы привили армянамъ свой отрицательный взглядъ на иконы и иконопочитаніе, и черезъ десятокъ, другой строкъ узнаемъ, что «произведенное Іезидомъ II гоненіе на иконы открыло глаза христіанамъ.... По естественной силѣ противоѣдствія армяне обратились къ иконопочитанію, смотря на него, какъ на завѣтъ предковъ, преслѣдуемый иновѣрцами».

Однако даже такія «внѣшнія причины» не всегда можно было подыскать для объясненія большинства явленій армянской церковно-исторической жизни. И особенно чуткій въ своей книгѣ къ кознямъ и политическимъ проискамъ и внимательный къ дѣйствіямъ воображаемыхъ или дѣйствительныхъ интригановъ и подозрительныхъ личностей, ловко умѣющихъ пристраиваться во всѣхъ странахъ и во всѣ времена ко всякимъ общественнымъ движеніямъ, г. А-скій увидѣлъ «внутреннія причины» событій въ особыхъ чертахъ армянскаго характера, о которомъ у него, очевидно, также вполне готовое шаблонное представленіе.

Да иначе и быть не могло. Авторъ не имѣлъ никакого представленія о сложныхъ культурныхъ условіяхъ мѣстной жизни Арменіи, о разнообразныхъ ея общественныхъ и сословныхъ интересахъ, о періодическихъ смѣнахъ въ ней свѣжихъ національныхъ силъ, искренно увлекавшихся какъ теоретическими, такъ практическими вопросами христіанства, создавшихъ весьма богатую богословскую литературу, густо покрывшихъ монастырями и церквами поверхность Арменіи, внесшихъ это строительство и подъ поверхность въ видѣ многочисленныхъ пещерныхъ храмовъ, часовенъ и скитовъ

для подвижниковъ, выработавшихъ своеобразный церковный архитектурный стиль и т. п.

И онъ принужденъ былъ искать разгадку исторіи армянской церкви или во внѣшнихъ событіяхъ, или въ качествахъ, болшею частью отрицательныхъ, отдѣльныхъ личностей, главнымъ образомъ армянъ, въ ихъ «ненависти», въ «озлобленіи», «гордости», «уязвленномъ самолюбіи», въ «строптивомъ духѣ», даже въ особомъ «умѣньи ихъ портить свое положеніе»¹⁾, и пр., такъ напр., страницы о раздѣленіи армянской и грузинской церковей только и содержатъ новаго, вносимаго г. А-скимъ, что онъ во всемъ видитъ тщеславіе однихъ, честолюбіе другихъ, ненависть, обиды, оскорбленія и пр., и пр.; въ созданіи Багратидскаго царства въ Арменіи авторъ усматриваетъ лишь три «внѣшніе фактора» (стр. 136): 1) «стремленіе грековъ... привлечь армянъ на свою сторону», 2) «противоположное тому желаніе арабовъ отвлечь ихъ отъ грековъ и удержать подъ своимъ вліяніемъ», 3) «стремленіе армянъ достигнуть полной независимости, пользуясь соперничествомъ грековъ и арабовъ и эксплуатируя тѣхъ и другихъ». «Четвертымъ новымъ факторомъ» авторъ считаетъ «зависть армянскихъ князей къ возвышенію одного изъ нихъ на степень армянскаго царя».

Характерно въ этомъ отношеніи пониманіе такъ называемой религіозной войны армянъ съ персами, этой страницы изъ исторической драмы, развертывавшейся на христіанскомъ востокѣ въ IV—V вѣкахъ въ силу разнообразныхъ, не только внѣшнихъ, политическихъ, но внутреннихъ, общественныхъ, сословныхъ и религіозныхъ причинъ. Толкованіе ея у г. А-скаго (стр. 52) не только несостоятельно, но по мелочности представляется жалкимъ даже сравнительно съ одностороннею теоріею древнихъ армянскихъ историковъ. Объясненіе этого крупнаго въ культурной жизни Передней Азіи историческаго событія, захватившаго и Арменію, г. А-скій видитъ въ болѣзненномъ откликѣ «въ сердцахъ чувствительныхъ армянъ» «къ пренебрежительному отзыву объ нихъ царя Бероза (Пероза)» и въ «сидѣніи завистью» армянъ «къ тѣмъ, которые, не обладая способностями, занимали хорошія мѣста».

Въ общемъ въ этой *Исторіи Армянской церкви* нѣтъ ни критически установленнаго научнаго построенія, ни вѣрной передачи традиціоннаго армянскаго пониманія, а есть диллетантскій трудъ лица, безъ надлежащаго спеціального образованія и вообще незнакомаго съ современною разработкою источниковъ исторіи армянской церкви.

1) Стр. 35: «армяне всегда отличались умѣньемъ портить свое положеніе и на этотъ разъ оказались вѣрными себѣ» и т. д.

Въ результатѣ обѣ разобранныя книги г. Анничскаго спеціалисту не дадутъ ничего, а непосвященныхъ могутъ ввести въ рядъ крупныхъ заблужденій.

Н. Марръ.

322. Н. О. Катановъ. Опытъ изслѣдованія урянхайскаго языка съ указаніемъ главнѣйшихъ родственныхъ отношеній его къ другимъ языкамъ тюркскаго корня. Казань. Типолиитографія Императорскаго Казанскаго Университета. 1903. XLII + 1539 + LX и отдѣльной брошюрой «Исправленія и дополненія» 8 стр.

Трудъ Н. О. Катанова распадается на нѣсколько отдѣловъ различной цѣнности и различнаго характера, почему мы и позволимъ себѣ прежде всего дать общій обзоръ его. На стр. 934 — 1053 даны тексты на урянхайскомъ нарѣчій (которое въ литературѣ болѣе извѣстно подъ названіемъ сойонскаго или сойотскаго) въ академической транскрипціи, снабженные русскимъ переводомъ; стр. 1 — 933 содержатъ фонетику и грамматику урянхайскаго нарѣчій, причемъ при каждомъ фонетическомъ и грамматическомъ явленіи систематически приводятся справки о соответствующихъ явленіяхъ во всѣхъ или по крайней мѣрѣ въ болѣе части извѣстныхъ автору турецкихъ нарѣчій какъ современныхъ, такъ и древнихъ. Эта часть труда снабжена огромными таблицами, которыя, надо полагать, должны способствовать наглядности и удобо-обозримости сообщаемого авторомъ матеріала. Нѣсколько выдѣляется по содержанію § 21 (стр. 30 и слѣд.), озаглавленный «Гласные монгольскихъ словъ», въ которомъ говорится о заимствованныхъ урянхайцами монгольскихъ словахъ и ихъ измѣненіяхъ. Небольшой экскурсъ объ удареніи и метрикѣ помѣщенъ на стр. 35 — 37 (§§ 22 и 23). Стр. 1054 — 1367 заняты многочисленными указателями, которые, надо отдать имъ справедливость, дѣйствительно значительно облегчаютъ читателю пользованіе книгой, имѣющей такіе солидные размѣры. Стр. 1369 — 1524 заняты библиографическимъ указателемъ литературы объ урянхайцахъ и ихъ землѣ, который, будучи конечно не бесполезенъ самъ по себѣ, не имѣетъ прямого отношенія къ избранной авторомъ темѣ. Въ предисловіи (I — XLII) Н. О. Катановъ даетъ нѣкоторыя общія свѣдѣнія о народѣ, языкъ котораго онъ изслѣдуетъ и перечисляетъ нарѣчія, привлеченныя имъ для сравненія, и пособія, которыми онъ пользовался. Наконецъ остальная часть книги занята оглавленіемъ и «исправленіями и дополненіями», которыя выстѣ съ вышедшими отдѣльною брошюрою занимаютъ 22 страницы.